

Моск. правда. — 1998. — 11 НОЯБ. — С.6. Несвоевременные мысли, запрещенные люди

Татьяна СЕРГЕЕВА

Фильм «Начало» демонстрировали по ОРТ с 0.00 часов с 5 на 6 октября, словно эта картина выпуска 1970 года представляла «кино не для всех». Приуроченный к юбилею Инны Чуриковой показ прошел и по НТВ: посмотрев картину «В огне брода нет», в очередной раз убедились, сколь глубокий, выразительный образ художницы-самородка из гущи народной создала 25-летняя тогда актриса, игравшая прежде эпизодические комедийные и острохарактерные роли. Помните эту произнесенную Чуриковой коронную фразу в «Старшей сестре»: «Доброе слово и кошке приятно»?

Но вернуться к ночному сеансу ОРТ. Сколько потенциальных зрителей не насладились фильмом «Начало», не услышали вновь замечательных слов фабричной девчонки Паши Строгановой, попавшей в настоящие актрисы, которой выпало счастье сыграть в кино национальную героиню Франции: «У меня получится эта роль, — убеждала подружек Паша, — ведь я, как и Жанна д'Арк, вышла из народа».

Какая, однако, несвоевременная по нынешней поре мысль! На ТВ то и знай твердят только об элите да о маргинальных слоях общества, понятия «народ» словно бы и не существует вовсе.

Элита, внушается с экрана, это такая самая умная, самая лучшая социальная прослойка, что сама из себя производит поколение за поколением политиков и политологов, людей творческих профессий и прочих незаурядных деятелей. А те, другие, что раньше почему-то звались народом, сегодня они — в лучшем случае маргиналы (то есть сбитые с торного пути в капитализм на обочину), в худшем — охлос, быдло и т.д. Еще немного — и боюсь, у нас появится, как когда-то в Индии, собственная каста неприкасаемых. Своими ушами слышала выступления видных представителей интеллигенции, вещавших о «быдлоризации населения».

Однако российская история полна приме-

рами противоположного свойства — о вырождении аристократий в отсутствие подпитки от народной почвы. Пример самый малый: зачем-то крестьянку-кормилицу брали в графскую семью, где родился наследник рода; боялись, видно, оторвать будущего Антея от матери-земли.

Подумалось, что кинотворчество Инны Чуриковой позволяет проследить зигзаги нашей бедной общественно-художественной мысли, после 1991-го вовсе ставшей нагой (на манер свободы, что, как известно, приходит нагая), нищей и вроде как даже убогой.

При своем выходе на экран Таня Теткина, Паша Строганова, Елизавета Уварова из «Прошу слова» (1976) воспринимались как пришедшие из нашей родной, бедноватой и простоватой, но реальной жизни, полнокровные люди, органичные русские характеры, стихийно одаренные натуры — кто талантом художественным, кто организаторским. О них спорили, особенно о председателе горсовета Уваровой. Комедийные и эксцентричные краски, которыми в совершенстве владеет актриса, лишь подчеркивали, усиливали, резче оттеняли лирико-драматическую, трагическую линию жизни и судьбы этих женских действующих лиц. Актриса и режиссер Глеб Панфилов предпринял здесь, как и в положенной «на полку» «Теме», нешуточную попытку понять, что происходит с нами и страной, осмыслить весьма непростую действительность.

В 1979-м — апогее застоя — критик из Риги назвал героинь актрисы «чудиками» в параллель шукинским героям. Но если беспокойные деревенские и поселковые жители, приведенные Шукиным в литературу и кино, искали истину, выламывались из привычных мерок и рамок, то пришедшие им на смену в конце 80-х — 90-х киномаргиналы, включая чуриковскую тетку из «Курочки Рябы», были совсем иными. Отмеченными печатью вырождения, нравственной порчи, обрушения человеческого в человеке, которое уже ничем не поправить, не восстановить.

Таким героям нового российского кино открыты нынче все пути-дороги. Вот только опечаленное сердце по-прежнему, как сказал поэт, рвется обожать и, отвергая новых бесповоротно, тянется к тем, старого образца, персонажам. К ныне словно бы и попав-

шим под запрет людям. Хотя бы к горьковским Вассе и Ниловне, сыгранным Чуриковой в фильмах Панфилова гениально. А сыграла она, то есть вывела воочию, то, как сквозь все свинцовые мерзости жизни, через все искажения человеческой природы светит в женщине любовь.

«Запрещенные люди», насколько мне известно, было рабочее название фильма «Мать». Так у Горького Пелагея Ниловна определила положение в России своего сына и его товарищей. Так названа вышедшая в 1985-м книга прозы и стихотворений Петра Заломова, прототипа Павла Власова. Парадокс, но к концу XX столетия люди труда, борющиеся за свои права, вновь становятся в нашей стране словно бы запрещенными, а мысли, которые будят они, воспринимаются как весьма несвоевременные. По крайней мере, на телевидении. Кстати, «Несвоевременные мысли» — название книги публицистики Максима Горького, посвященной первому году после Октябрьской революции.

Хотя, казалось, куда как своевременная задача — определить нынче, что такое подлинные, а не подменные демократизм и демократия.

А ведь по историческим меркам совсем недавно свою близость к народу, свою нераздельность с ним декларировали самые утонченные, самые рафинированные натуры. Звезда нынешней элиты Белла Ахмадулина писала в 70-х, назвав свои стихи «Это я...»: «Это я — человек-невеличка,/ всем, кто есть, прихожусь близнецом,/ сплю, покуда идет электричка,/ пав на сумку невзрачным лицом./ Мне не выпало лишний удачи,/ слава богу не выпало мне/ быть заслуженной или богаче/ всех соседей моих по земле./ Плооть от плоти сограждан усталых,/ хорошо, что в их длинном строю/ в магазинах, в кино, на вокзалах/ я последнею в кассу стою —/ позади паренка удалого/ и старухи в пуховом платке,/ слившись с ними, как слово и слово/ на моем и на их языке».

Куда ушли эти благородные, прекрасные, гражданственные мысли и чувства? И откуда нынешняя активная нелюбовь к «маленькому человеку»? Только не говорите, пожалуйста, что тогда мы так многого не знали...